Апасян Игорь
Смоктуновский

04.07.98

ВОЗВРАЩЕНИЕ СМОКТУНОВСКОГО

Ситуация с российским кинематографом (которую все уже устали называть катастрофической) продуцирует иногда совершенно неожиданные эффекты. Отечественное кино ведет странный, как бы посмертный образ жизни, безостановочно вспоминая великое прошлое. Картины находятся в производстве по пять-шесть лет. Рекордсменами, достойными Гиннеса, стали Герман (8 лет съемок легендарного "Хрусталева"), Усков и Краснопольский (5 лет работы над "Ермаком") и Игорь Апасян ("Притяжение солнца", выходящее ныне в прокат после 7 лет съемок). Работы актеров, чья смерть стала поистине всенародным горем, приходят к зрителю впервые и становятся объектом живого критического обсуждения, как если бы Евстигнеев и Смоктуновский, сыгравшие последние роли соответственно в "Ермаке" и "Притяжении", были еще с нами. Слава Богу, что эти их последние работы попали наконец в контекст русского кино.

Апасян взялся за почти неразрешимую задачу, задумав картину в стиле фантастического реализма (ностальгические повествования о детстве — более фантастичные, нежели самые храбрые марсианские фантазии. Мир ребенка призрачен, чудеса в нем ежедневны, ужасы сказочны, персонажи мифологизированы — здесь чрезвычайно легко сорваться в крайности, столь присущие нашему авторскому кино: съемка через обязательную "вуаль", длинноты, повторы, многозначительные и пустые диалоги, дефицит действия и набор банальностей вместо неповторимого образа детства.

Фильм Апасяна в первую очередь украсили актеры — Лия Ахеджакова, которая утверждает, что сыграла наконец свою главную роль в кино, и Смоктуновский, у которого не наберется и двадцати минут экранного времени, но который любой своей репликой придает картине больше достоверности и органики, чем самый идеальный реквизит. Мир "Притяжения" фактурен и густ, и детская радость любования домом, лопухом, мусором присутствует в картине с самого начала. Детское любопытство к выброшенной, старой вещи, предназначение которой таинственно; любовь к чердаку и свалке, к пустырю и железной дороге, к старой машине, к любому неисследованному пространству, заросшему Бог весть чем, — все это в фильме живо, а потому есть надежда, что зритель испытает редкую радость узнавания и попадания.

Андрей **ГАМАЛОВ**.

Вечерний клуб. — 1998. — 4 июня. — С. 5.

39